

Научная статья

УДК 340.15

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-70-77>

EDN: <https://elibrary.ru/syykks>

NIJON: 2003-0059-5/25-378

MOSURED: 77/27-003-2025-05-577

Средства измерения, меры и весы по законодательству Российской империи XIX — начала XX вв.

Наталья Витальевна Ковалева

Академия управления МВД России, Москва, Россия, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Аннотация. Анализируется формирование государственной системы мер и весов как особого института технического регулирования в Российской империи XIX — начала XX вв. Показано, что переход от разрозненных предписаний в памятниках древнерусского права к кодифицированной системе эталонов, поверки и клеймления связан с усложнением хозяйственного оборота, расширением внутреннего рынка и усилением фискальных интересов казны. На материале указов конца XVIII — первой половины XIX вв., Положения о мерах и весах 1842–1845 гг., актов об учреждении Депо Образцовых Мер и Главной Палаты мер и весов прослеживается институционализация контроля за единством измерений, включая формирование вертикали поверочных органов и распространение обязательного клеймления на торговлю и быт. Отдельное внимание уделено связям измерительной политики с задачами индустриализации, интеграции новых территорий в общеимперское правовое пространство, а также с постепенным сближением с метрической системой. Делается вывод о том, что введенный режим мер и весов выступил базовой моделью для формирования советской системы стандартизации и государственного надзора за средствами измерений.

Ключевые слова: средства измерения, меры и веса, законодательство Российской империи XIX — начала XX вв., техническое регулирование, клеймление и поверка, метрологический контроль и стандартизация

Для цитирования: Ковалева Н. В. Средства измерения, меры и весы по законодательству Российской империи XIX — начала XX вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 5. С. 70–77. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-70-77>. EDN: SYYKKS.

Original article

Measuring instruments, measures and scales according to the legislation of the Russian Empire of the XIX — early XX centuries

Natalia V. Kovalyova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

Abstract. The formation of the state system of weights and measures as a special institution of technical regulation in the Russian Empire of the 19 — early 20 centuries is analyzed. It is shown that the transition from scattered prescriptions in the monuments of Old Russian law to a codified system of standards, verification and branding is associated with the complication of economic turnover, the expansion of the domestic market and the strengthening of the fiscal interests of the treasury. On the material of the decrees of the late XVIII — first half of the XIX centuries, the Regulations on measures and weights of 1842–1845, acts on the establishment of the Depot of Exemplary Measures and the Main Chamber of Measures and Weights, the institutionalization of control over the unity of measurements is traced, including the formation of the vertical of verification bodies and the spread of mandatory branding on trade and life. Special attention is paid to the connection of measurement policy with the tasks of industrialization, integration of new territories into the general imperial legal space, as well as with the gradual convergence with the metric system. It is concluded that the introduced regime of measures and weights was the basic model for the formation of the Soviet system of standardization and state supervision of measuring instruments.

Keywords: measuring instruments, measures and weights, legislation of the Russian Empire (19 — early 20 centuries), technical regulation, stamping and verification, metrological control, standardization

For citation: Kovalyova N. V. Measuring instruments, measures and scales according to the legislation of the Russian Empire of the XIX — early XX centuries. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025;(5):70–77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-5-70-77>. EDN: SYYKKS.

Исторические предпосылки формирования государственной системы мер и весов

Система мер и весов относится к числу древнейших правовых институтов, через которые государ-

ство воздействовало на хозяйственный оборот и правосудие. Унификация способов измерения объема, веса и длины позволяла задавать обязательные ориентиры, делая сравнимыми товары, работы и повин-

© Ковалева Н. В., 2025

ности. Уже в раннесредневековых памятниках восточнославянского права встречаются требования к «правым» мерам, что показывает понимание связи точности измерения и справедливости обмена. Упоминания о мерах содержатся в различных редакциях «Русской Правды», где они служили определенным фоном для регулирования торговых и процессуальных отношений [8, с. 135].

Несмотря на фрагментарность этих предписаний, именно они определили связь между измерительной практикой и юридической формой. Позднее, по мере усложнения хозяйственной жизни, регулирование мер и весов превращается в самостоятельную сферу технического нормирования, что отражено в законодательстве Российской империи XIX — начала XX вв., где сформировалась система эталонов, поверки и клеймления средств измерения [2, с. 28].

Начало XIX в. стало для российской правовой системы моментом, когда проблема единообразия мер и весов перестала быть сугубо техническим вопросом и приобрела выраженное публично-правовое значение. Расширение внутреннего рынка, усложнение связей между губерниями, участие России в международной торговле потребовали не только унификации денежного обращения, но и согласованных подходов к измерению количества товара, сырьевых ресурсов и готовой продукции. Для фискальной системы, ориентированной на косвенные сборы и акцизы, надежность мер означала предсказуемость налогооблагаемой базы, а для хозяйственного оборота — минимизацию конфликтов, связанных с обвесом и другими манипуляциями, традиционно сопровождавшими розничную торговлю.

На этом фоне складывается запрос на нормативное закрепление единой системы измерения как на средство обеспечения правовой определенности в сфере оборота продукции, товаров и в некоторой мере услуг. Промышленные предприятия, возникающие акционерные общества и быстро расширяющаяся транспортная инфраструктура объективно требовали, чтобы количественные единицы товаров обладали стабильным и гарантированным государством содержанием, независимым от местных обычаев и произвольных договоренностей сторон. В противном случае государственные подряды, поставки для армии и флота, крупные внешнеторговые сделки оставались зависимыми от локальных обычаев и

практики отдельных купеческих объединений, что плохо сочеталось с тенденцией к централизации управления и усилению финансового контроля.

Осознание этой ситуации достаточно отчетливо прослеживается в материалах Министерства Финансов, которое в официальном отчете за период 1802–1902 гг. прямо указывало на «полное отсутствие в торговле и промышленности точных измерительных приборов», связывая устранение этого пробела с задачей «постепенно ввести отвечающий современным условиям порядок во все области торгово-промышленной жизни» [5]. В административной логике того времени отсутствие единых эталонов рассматривалось не только как техническая недоработка, но и как фактор, препятствующий эффективному акцизному и таможенному контролю, а значит, влияющий на доходы казны [5].

Первым системным шагом центральной власти стало создание эталонной базы. В Высочайше утвержденной записке Министра Финансов России от декабря 1829 г. «Об учреждении при Санкт-Петербургском Монетном Дворе собрания образцовых мер и весов главнейших иностранных Государств» ставилась задача иметь в распоряжении казны такой комплект образцов, «по которым бы можно было делать таковые же меры и веса для других мест России» [11]. Тем самым государство фактически формировало исходную точку для будущей унификации: сначала — создание централизованного собрания эталонов, затем — возможность их тиражирования в провинции, а уже после — построение системы поверки и клеймления.

Привлечение в качестве образцов «мер и весов главнейших иностранных государств» свидетельствовало и о внешнеэкономической мотивации реформ. Сопоставимость российских единиц с используемыми в ведущих европейских экономиках облегчала расчеты по экспортным и импортным контрактам, снижала риск ошибок при переводе из одной системы измерения в другую. В итоге государственная политика начала XIX в. в сфере мер и весов складывалась на пересечении нескольких интересов: фискального (обеспечение стабильных поступлений), хозяйственного (поддержка развивающейся промышленности и торговли) и международного (интеграция в общеевропейское экономическое пространство), что и предопределило дальнейшее совершенствование данной сферы отношений.

Нормативное закрепление мер и весов и формирование системы надзора за их применением

Первые шаги к оформлению единой государственной политики в сфере измерений связаны с нормативными актами конца XVIII — первой трети XIX вв. Так, Указ 1797 г. «О Высочайшем утверждении проекта об учреждении повсеместно верных весов, питейных и хлебных мер» задал рамки будущей системы, хотя по объему и структуре оставался еще типичным разовым распоряжением монарха [9, с. 591–594]. Для законодательства того времени показательным, что внимание уделялось не абстрактным единицам измерения, а конкретным устройствам: безмену, весам, гилям, питейным и хлебным мерам.

Важным нововведением в 1797 г. стало описание допустимых форм и набора гирь, рассчитанного на взвешивание груза до сорока фунтов, а также закрепление обязанности Александровского завода применять «секретный штемпель» для различения «законном утвержденных» весов, безменов и гирь [9, с. 592]. Здесь просматриваются элементы технического регулирования в современном смысле: государство не только предписывает использовать «верные меры», но и связывает допустимость их оборота с принадлежностью к определенному образцу и наличием официального клейма. Вместе с тем, данный акт почти не затрагивал вопросы проверки и контроля, оставаясь в основном актом о допустимой конструкции средств измерения.

Достаточно последовательный характер имели нормы указа, «данный Правительствующему Сенату в 11 день октября 1835 года», которыми в качестве основы российской линейной меры была утверждена сажень, в качестве единицы веса — фунт (включая аптекарский фунт), а для объема — ведро для жидкостей и четверик для сыпучих тел [12]. Документ содержал развернутую систему соотношений с английскими мерами и перечень более мелких единиц, что позволяло использовать его как официально утвержденную метрическую таблицу для хозяйственной практики.

Ключевым для понимания зарождения технических норм явилось закрепление в указе 1835 г. требования изготовить эталоны и размещать их не только в Санкт-Петербургском монетном дворе и Московской Оружейной палате, но и разослать в Казенные Палаты и экспедиции, с указанием материала, из ко-

торого они должны были быть выполнены. При этом право приобретать «образцовые меры и весы» за свой счет предоставлялось «местам, городам или лицам» [12, с. 1011].

В результате возникла модель, при которой государство в определенной мере сформировало централизованный эталонный фонд и допускало его распространение в провинции, сохраняя за собой роль источника обязательных образцов. Именно связка между юридическим закреплением базовых единиц, созданием материальных эталонов и их доступностью для частных субъектов позволяет говорить о переходе от разрозненных предписаний к системе технических норм, задающих правовой режим средств измерения в зарождающейся индустриальной экономике России исследуемого периода.

Стоит отметить, что уже в первой половине XIX в. шел процесс по совершенствованию правового регулирования исследуемой сферы отношений. Например, «Положение о мерах и весах» 1842 г., объединившее в себе разные предписания, вступило в силу 1 января 1845 г. и содержало отсылку к указу 11 октября 1835 г., воспроизводя его исходные положения и одновременно фиксируя необходимость «принять ныне решительные меры к повсеместному употреблению в государстве одних Российских мер и весов» [13, с. 420]. Тем самым, прежний акт о единицах измерения был дополнен необходимыми положениями, охватывающими как организационные, так и контрольно-надзорные аспекты данной деятельности.

Центральным элементом новой конструкции стало учреждение Депо Образцовых Мер и Весов, на которое возлагалось хранение эталонов и поверка по ним мер, направляемых в губернии [13, с. 420]. Казенные палаты получали статус ключевого регионального звена в этой сфере, так как через них осуществлялись выверка, клеймение и допуск в оборот изготовленных средств измерения с участием специалистов. Фактически оформилась вертикаль органов, обеспечивающих единство измерений, где каждая мера должна была пройти процедуру легализации через казенное клеймо.

Особое внимание закон уделял правилам изготовления и использования измерительных приборов. Производство «сажени, аршины, коромысла, гири, меры жидкости и емкости» по казенным образцам допускалось для широкого круга лиц, получивших раз-

решение и свидетельство от губернского начальства, с обязательным нанесением собственного фабричного клейма [13, с. 424]. До ввода в оборот такие изделия подлежали выверке и клеймлению в Казенной палате, причем сбор за клеймо дифференцировался в зависимости от величины мер и весов. Из этого режима сознательно выводились аршины: предполагалось, что по всем губерниям будут разосланы для продажи «за умеренную цену» казенные железные аршины, не подлежащие частному изготовлению и дополнительному клеймлению [13, с. 423–424].

Реализация новых единиц столкнулась с сопротивлением прежних практик. Правительствующему Сенату специально пришлось объявить, что значительная часть изготовленных образцов аршинов остается нераспроданной, а в обиходе продолжают использоваться старые меры. В частности, соответствующим органам власти предписывалось «неослабное наблюдение за повсеместным введением новых аршинов», ускоренная распродажа казенных образцов и истребление старых, с привлечением виновных к ответственности [10]. Параллельно устанавливалась обязанность всех торгующих и «занимающихся приготовлением изделий разного рода» иметь клеймленные веса и меры. Данные нормы распространялись на постоянные дворы, харчевни, ярмарки и иные места публичной купли-продажи. Для бытовых нужд допускались «домашние меры разной формы», однако устанавливалось, что в каждом волостном правлении, а также у арендаторов и администраторов казенных имений должны были находиться непременно клеймленные меры и веса [13, с. 424].

Положение о мерах и весах 1842–1845 гг. установило контроль за введением новых мер и базировалось, с одной стороны, на инициативе, с другой, — в значительной мере защищало права и законные интересы участников хозяйственных отношений и обычных потребителей, формируя искомый баланс прав и обязанностей субъектов данных правоотношений. В частности, предусматривались внезапные проверки мер и весов уполномоченными органами, а каждому покупателю предоставлялось право жаловаться полицейскому начальству на неклеимленные либо неверные приборы. В случае признания средств измерения маловесными, допускалось их уничтожение по приговору суда, в то время как «тяжеловесные» подлежали исправлению путем уменьшения массы [13, с. 425]. В совокупности это придавало По-

ложению о мерах и весах 1845 г. характер фундаментального нормативного акта, который не только фиксировал систему единиц, но и определял юридический режим их материальных носителей на всех стадиях — от изготовления до применения в торговле и быту.

Во второй половине XIX в. акцент в регламентации исследуемой сферы отношений постепенно сместился от установления самих единиц измерения к детализации процедур поверки и клеймления. Показательным стал утвержденный 16 января 1843 г. порядок, установленный Высочайше утвержденным положением Комитета Министров «О способе выверки весовых гирь в Риге», предусматривавший приведение гирь в законный вес. При отливке в гире оставлялась внутренняя полость, в которую заливалось необходимое количество свинца, после чего отверстие завинчивалось винтом, головка которого скрывалась в углублении и заливалась свинцом с нанесением казенного клейма [14].

Высочайше утвержденным положением Комитета Министров от 9 октября 1845 г. этот способ исправления неполновесных гирь был разрешен до 1 января 1847 г., при этом прямо подчеркивались его достоинства: возможность легко выявить злоупотребления, направленные на облегчение веса, и одновременно предоставить торговцам законный путь доведения характеристик гири до эталонных без риска санкций за произвольный довес [15].

Следующим шагом стало экспериментальное перераспределение полномочий по поверке органов городского общественного управления (городских дум). В Санкт-Петербурге, Москве, Риге и ряде других крупных городов проверка и клеймление мер и весов были переданы из Казенных Палат в Городские думы, но при обязательном участии представителя Палаты и пробирера (специалист по контролю и клеймлению) [16]. Такая модель сочетала фискальный контроль казенного ведомства с большей приближенностью к местному рынку, формируя своего рода смешанную систему: эталон и методика оставались за центром, а непосредственная техническая работа за городскими органами.

К концу XIX в. контрольный механизм был институционально сформирован вокруг Главной палаты мер и весов (далее — Палата). Положение от 8 июня 1893 г., учреждая Палату по представлению Министра Финансов России С. Ю. Витте, опреде-

лило ее как центральное поверочное учреждение, через которое должны были проходить весы, меры и различные измерительные приборы, используемые в торговле и промышленности. Устанавливалось обязательное требование, что прошедшие проверку средства измерения снабжаются «клеймами, особыми номерами и удостоверительными свидетельствами» и не могут иметь погрешности сверх установленной законом [17].

В этот исторический период именно на управляющего Палатой возлагалась обязанность лично и через инспекторов производить внезапные ревизии мер и весов в казенных учреждениях, на почтовых и железнодорожных станциях, на заводах, фабриках и в торговых заведениях, тогда как за полицией закреплялся надзор за применением в торговле клеймленных приборов и возбуждение преследования в отношении лиц, использующих неверные меры [7, с. 170].

После утверждения Положения о мерах и весах 4 июня 1899 г. система контроля получила разветвленную территориальную конфигурацию. Общее ведение мерами и весами было закреплено за Министерством Финансов, а с 1905 г. — за созданным Министерством Торговли и Промышленности, при котором действовал Департамент торговли и мануфактур, в ведении которого и находилась Палата [1, с. 138–139].

Для выверки и клеймления применяемых в торговле и промышленности средств измерения повсеместно учреждались поверочные палатки, тогда как казенные палаты и городские управы освобождались от этих функций. По данным М. Н. Соболева, за период с 1900 по 1914 гг. через поверочные учреждения прошло 41 697 634 меры и веса, было получено 6 910 938 руб. поверочной пошлины при расходах на их содержание 5 524 744 руб., что обеспечило государству свыше одного миллиона рублей чистого дохода [6, с. 220]. Контроль за единством измерений в этот период превращается в устойчивый институт своего рода технического надзора, сочетающий обеспечение достоверности торговых операций с заметным фискальным эффектом для казны.

Во второй половине XIX в. вопрос единства мер и весов оказался тесно связан с задачами интеграции новых регионов в правовое пространство империи. Министерство Финансов России специально акцентировало внимание на тех территориях, где сохранялись местные системы измерения, прежде всего в

Туркестанском крае, и добивалось постепенного введения обязательного применения на данных территориях официально утвержденных клеймленных мер и весов. В циркулярных предписаниях подчеркивалось, что разнородность местных мер затрудняет как фискальный контроль, так и нормальное функционирование торговли, а потому требует планомерного замещения местных единиц законными русскими образцами [1, с. 138].

К концу XIX в. усиливается и давление внешне-экономических факторов. Расширение участия России в европейской торговле, рост экспортных операций с промышленной продукцией и сырьем, а также развитие железнодорожной сети достаточно отчетливо показали определенные неудобства традиционных национальных единиц при расчетах с контрагентами, ориентирующимися на метрическую систему. В этом контексте переход к метрическим мерам воспринимался не только как техническое удобство, но и как элемент конкурентоспособности российских товаров на внешних рынках [7, с. 169].

Вместе с тем, правительственная линия была сравнительно осторожной. Так, законодатель не решался на немедленное вытеснение традиционных единиц и занял компромиссную позицию: допускалось использование международных метрических мер по взаимному соглашению сторон, тогда как в официальном обороте, в том числе в налоговых, таможенных и иных публично-правовых отношениях, продолжали применяться русские меры, закрепленные актами 1835 и 1842–1845 гг. Такая смешанная модель позволяла учитывать потребности внешней торговли и технического прогресса, не дестабилизируя сложившиеся практики внутреннего рынка [1].

Положение о мерах и весах, утвержденное 4 июня 1899 г., подвело итог этому этапу регулирования данной сферы отношений. В гл. 1 нормативного акта была зафиксирована система российских мер и весов, в том числе порядок соотношения с метрическими единицами, а в гл. 2 — построена организационная схема поверочных учреждений, изначально подведомственных Министерству Финансов [18].

Институт клеймления в праве Российской империи служил юридическим средством придания вещам статуса соответствующих установленным определенным техническим нормам. Клеймо удостоверяло изготовление по утвержденному образцу и прохождение государственной проверки, обеспечи-

вая допуск изделия в оборот и выполняя роль распознавательного знака для торгового обращения и казны [7, с. 168–170].

Наиболее последовательно эта конструкция проявилась в регулировании мер и весов. Положение о мерах и весах 1842–1845 гг. закрепило, что без казенного клейма мера или вес не допускаются к употреблению, а изготовленные по образцам Депо Образцовых Мер и Весов приборы подлежали выверке в Казенных Палатах, где на них наносилось соответствующее клеймо. Применение неклеяемых либо признанных маловесными средств измерения влекло их изъятие и уничтожение, а тяжеловесные приводились к норме [13]. Обязанность пользоваться клеймлеными мерами и весами была возложена на торговцев, цеховые заведения, постоянные дворы, ярмарки, волостные правления и администраторов казенных имений, что превращало клеймо в универсальное условие законности измерения в хозяйственном обороте и быту.

Во второй половине XIX в. клеймение мер и весов было встроено в разветвленную систему технического надзора. Положение от 8 июня 1893 г. об учреждении Палаты закрепило, что приборы, предназначенные для употребления в торговле и промышленности, после поверки снабжаются «клеймами, особыми номерами и удостоверительными свидетельствами» и не могут иметь погрешности сверх допустимой [15]. Положение о мерах и весах 4 июня 1899 г. закрепило и в определенной мере развило эту модель, подведя сеть поверочных палаток под ведомство Министерства Финансов, а затем под Министерство Торговли и Промышленности, тем самым связав контроль за единством измерений с взиманием поверочной пошлины, что обеспечивало государству дополнительный доход [18]. В результате клеймо выступало ключевым юридическим инструментом, связывающим абстрактные требования к мере и качеству с материальной вещью и обеспечивающим доверие к результатам измерений, защиту добросовестного оборота и стабильность фискальных поступлений.

Развитие государственной системы мер и весов оказывало прямое влияние на становление индустриальной экономики Российской империи изучаемого периода. Фиксация официальных единиц длины, объема и веса в сочетании с обязательной поверкой измерительных приборов позволяла точнее рас-

считывать расход сырья и топлива, дозировку компонентов, грузоподъемность машин и транспортных средств [4]. Для крупной фабрично-заводской промышленности это означало переход от ремесленного, ориентировочного счета к воспроизводимым техническим параметрам производственного процесса [2]. В более широком плане реализовывалась сформулированная Министерством Финансов задача введения «порядка во все области торгово-промышленной жизни» за счет устранения произвола в измерениях [3; 5]. Для внутренней торговли и хозяйственного оборота меры по унификации становились важнейшей предпосылкой доверия к результатам взвешивания и отпуска товара. Когда покупатель и продавец опираются на один и тот же эталон, а используемые приборы могут быть проверены и признаны пригодными либо маловесными по установленной процедуре, снижается почва для конфликтов и судебных споров о недостатке, обвесе, нарушении условий поставки. В этой связи классик русской юриспруденции Г. Ф. Шершеневич подчеркивал, что достоверность измерений образует одно из тех фактических оснований, без которых нормы торгового права превращаются в пустую декларацию [7, с. 170].

Единая система измерений имела и выраженный внешнеэкономический эффект. Сопоставимость русских единиц с иностранными, а позднее — допускаемое использованием метрической системы по соглашению сторон, облегчали заключение экспортных и импортных контрактов, расчет цен и фрахта, страхование грузов, особенно в условиях растущего участия России в европейской торговле [1, с. 136–139; 5, с. 169].

Выстроенная к началу XX в. сеть эталонных и поверочных учреждений во главе с Палатой, создали своего рода основу для последующего формирования советской системы стандартизации. Уже в работах начала XX столетия обращалось внимание на то, что контроль за мерами и весами превратился из узкотехнического вопроса в элемент экономической политики государства [6, с. 218–221]. Метрическая система, вводимая поэтапно и параллельно с традиционными единицами, стала переходным звеном между дореволюционной моделью технического нормирования и советской практикой комплексного стандарта (ГОСТ) и государственного надзора за средствами измерений.

Опыт правового регулирования мер и весов в Российской империи XIX — начала XX вв. показывает, что данная сфера не сводилась исключительно к техническим составляющим, а выступала одним из оснований для установления хозяйственного и финансового порядка. Через юридическое закрепление единиц, создание иерархии эталонов, института поверки и обязательного клеймления государство добивалось сопоставимости количественных показателей, формировало единое экономическое пространство и последовательно вытесняло локальные измерительные практики. Параллельное сближение с европейскими системами и поэтапное допущение метрических величин снижали издержки внешней торговли и уменьшали риск конфликтов, связанных с определением количества и качества товара.

В этой связи изучение средств измерения, мер и весов по законодательству Российской империи XIX — начала XX вв. должно стать предметом дальнейших фундаментальных исследований с целью использования опыта становления правового регулирования данной сферы для дальнейшего совершенствования действующего законодательства Российской Федерации.

Список источников

1. Жолобова Г. А. Создание единой системы мер и весов в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 136–139.
2. Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1975.
3. Ковалева Н. В. Основные направления торгово-промышленной политики Российской империи XIX — начала XX веков (правовой аспект) // Право и политика. 2010. № 7. С. 1348–1353.
4. Ковалева Н. В. Торгово-промышленная политика и промышленное законодательство Российской империи XIX — начала XX веков // История государства и права. 2010. № 1. С. 16–19.
5. Министерство Финансов. Сборник. 1802–1902. Ч. 2. СПб. : Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1902.
6. Соболев М. Н. Очерки экономической политики промышленности и торговли. Харьков : Типография М. : Зильберберг и сыновья, 1916.
7. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). М. : Спарк, 1994.
8. Юшков С. В. Русская Правда: происхождение, источники, ее значение / под ред. О. И. Чистякова. М. : Зерцало-М, 2002.
9. Полное собрание законов Российской Империи. С 1649 г. Т. XXIV: с 6 ноября 1796 по 1798 гг. Ст. 17938. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 591–594.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. II. 1827: от № 800 до 1676. Ст. 1172. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 329–330.
11. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. IV. 1829: от № 2575 до 3398. Ст. 3336. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. С. 864.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. X. 1835. Ст. 8459. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1836. С. 1010–1011.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XVII. 1842. Ст. 15718. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843. С. 420–425.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XX. 1845. Ст. 18630. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. С. 129.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XX. 1845. Ст. 19385. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. С. 68–69.
16. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XX. 1845. Ст. 18818, 18986, 18760. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1846. С. 238.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XI. № 9747. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1893. С. 421.
18. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. третье. Т. XIX. № 18834. СПб. : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1900.

References

1. Zholobova G. A. Creation of a Unified System of Weights and Measures in the Russian Empire in the Second Half of the 19 — Early 20 Centuries // *Bulletin of the Orenburg State University*. 2004. No. 3. P. 136–139.
2. Kamenetseva E. I., Ustyugov N. V. *Russian Metrology*. 2nd ed. M.: Vysshaya shkola, 1975.
3. Kovaleva N. V. Main Directions of Trade and Industrial Policy of the Russian Empire in the 19 — Early 20 Centuries (Legal Aspect) // *Law and Politics*. 2010. No. 7. P. 1348–1353.
4. Kovaleva N. V. Trade and Industrial Policy and Industrial Legislation of the Russian Empire in the 19 — Early 20 Centuries // *History of the State and Law*. 2010. No. 1. P. 16–19.
5. Ministry of Finance. Collection. 1802–1902. Part 2. St. Petersburg: Expedition for Procurement of State Papers, 1902.
6. Sobolev M. N. *Essays on the Economic Policy of Industry and Trade*. Kharkov: Printing House M. Zilberberg and Sons, 1916.
7. Shershenevich, G. F. *Textbook of Trade Law* (based on the 1914 edition). M.: Spark, 1994.
8. Yushkov S. V. *Russian Truth: Origin, Sources, and Its Significance* / edited by O. I. Chistyakov. M.: Zertsalo-M, 2002.
9. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Since 1649. Vol. XXIV: from November 6, 1796 to 1798. Art. 17938. St. Petersburg: Printing House of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. P. 591–594.
10. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. II. 1827: from No. 800 to 1676. Art. 1172. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. P. 329–330.
11. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. IV. 1829: from No. 2575 to 3398. Art. 3336. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. P. 864.
12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. X. 1835. Item 8459. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1836. P. 1010–1011.
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XVII. 1842. Item 15718. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1843. P. 420–425.
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XX. 1845. Item 18630. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. P. 129.
15. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XX. 1845. Art. 19385. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. P. 68–69.
16. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. XX. 1845. Art. 18818, 18986, 18760. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1846. P. 238.
17. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. XI. No. 9747. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1893. P. 421.
18. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Third Collection. Vol. XIX. No. 18834. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1900.

Информация об авторе

Н. В. Ковалева — главный научный сотрудник Академии управления МВД России, доктор юридических наук.

Information about the author

N. V. Kovalyova — Chief Researcher of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 07.10.2025.

The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 07.10.2025.